

Увидев, что Гу Лэ словно замер и не двигается, Цзян Нин с улыбкой подала голос.

Глядя на ярко пылающую свечу перед собой и забавного чиби-человечка на торте, который высовывал язык, Гу Лэ вдруг почувствовал легкое жжение в глазах.

Этот чиби-человечек был так похож на него в детстве...

Немного неуклюже сложив ладони перед грудью, Гу Лэ закрыл глаза.

Когда он их открыл,

перед ним были мягкая улыбка и ожидающий взгляд, а также то холодное лицо, которое, хоть и казалось всё еще таким же вредным.

После того как свечи задули, на кухне снова зажглись лампы.

Цзян Нин не терпелось отведать торт. Говорили, что его приготовил какой-то мастер, и один такой стоил несколько тысяч юаней. Ей не терпелось узнать, каков на вкус этот убийца кошельков среди тортов.

Цзян Нин распаковала коробку, достала пластиковый нож и протянула его Гу Лэ: — Ну же, пусть наш именинник разрежет торт.

Гу Лэ взял пластиковый нож и принялся резать.

Первый кусочек.

Побеспокоившись и помедлив, Гу Лэ протянул его в первую очередь Цзян Нин.

Цзян Нин удивленно приняла его.

Когда Гу Лэ нарезал достаточно кусков, чтобы хватило на каждого,

он наконец взял свою порцию и тоже начал есть.

Мм, шоколадный — его самый любимый вкус.

На кончике языка сладко, и на сердце тоже сладко.

Гу Сяо не любил подобное, поэтому, приняв отрезанный сыном кусок, он так и оставил его нетронутым.

Цзян Нин как раз с наслаждением уплетала свой торт — поистине убийца кошельков среди тортов, этот вкус действительно не шло ни в какое сравнение с обычными десертами!

Тут она заметила, что Гу Сяо даже не притронулся к еде.

Даже Гу Чэнь, которому приходилось следить за количеством потребляемого сахара, и тот съел из вежливости, с какой стати Гу Сяо было не есть?!

Тогда Цзян Нин взяла этот кусок, подцепила вилкой небольшой кусочек и протянула к губам Гу Сяо, словно уговаривая ребенка: — Ну же, муж, откуси кусочек!

Гу Сяо с отвращением отпрянул.

— Откуси же, ну съешь кусочек!

Цзян Нин вовсе не собиралась так просто отступаться и, держа торт наготове, медленно приблизилась.

Деваться было некуда, и Гу Сяо приоткрыл рот.

Но в этот момент Цзян Нин внезапно передумала и заехала ложкой с тортом прямо Гу Сяо в лицо.

Цзян Нин тут же прыснула со смеху. Красивое лицо Гу Сяо было испачкано белым кремом, отчего он выглядел несколько комично, что совершенно не вязалось с его привычным серьезным видом.

Гу Лэ тоже увидел эту сцену и не смог сдержать улыбку.

Услышав смех мальчика, Цзян Нин торопливо протянула руку, чтобы стереть крем с лица Гу Сяо — только бы тот ничего не заметил!

Насмеявшись, Гу Лэ только теперь сообразил, что натворил, и тут же сглупил, спешно пряча улыбку.

И снова принял свой обычный вид.

Но в его глазах больше не было прежнего холода.

Разве Гу Сяо мог не понять, что натворила Цзян Нин? Прищурившись, он перехватил руку, которой она вытирала ему лицо, поднес к губам и легонько прикусил ее за палец.

На нем остался крем — сладкий.

— Цсс... — Цзян Нин уже поняла, что этот Гу Сяо прямо как собака, но никак не ожидала, что он и впрямь окажется настолько кусачим.

Злобно тряхнув рукой,

она уткнулась носом в торт и перестала обращать на него внимание.

Гу Лэ сделал вид, будто не заметил столь ребячливого поведения отца.

Оказывается... оказывается, у его отца всё же есть сердце, разве нет?

Напоминавший угощение десерт остался позади, и все сели за стол.

Овощи, которые выращивал Гу Чэнь, были абсолютно натуральными и экологически чистыми.

Сам по себе они были очень вкусными, а после того, как к ним приложила руку Цзян Нин,

и вовсе заставляли человека едва ли не проглотить собственный язык.

Поэтому, даже несмотря на съеденный кусок торта, еда на столе исчезла подчистую.

В этот вечер луна была прекрасна.

Цзян Нин преподнесла Гу Лэ подарок, который тщательно выбирала сама.

У Гу Лэ было всё, и ни в чем он не нуждался.

Цзян Нин долго ломала голову над тем, что же ему подарить.

В конце концов она купила графический планшет.

— Я слышала, ты любишь рисовать. Надеюсь, тебе понравится этот подарок!

Когда Цзян Нин протягивала подарок, Гу Лэ не сказал ни да, ни нет — просто протянул руку и

взял его.

— Спасибо.

— Твой отец понятия не имел, что тебе подарить, так что я велела ему перевести тебе кругленькую сумму.

Договорив, Цзян Нин повернулась и ушла в комнату.

Гу Лэ тоже вернулся в свою спальню.

Почти с жадностью он распаковал этот подарок.

И с его помощью создал трогательный рисунок.

Обреченные на любовь находят друг друга (XVII)

Стоило Гу Лэ отложить графический планшет в сторону, как раздался телефонный звонок.

Его смягчившееся выражение лица мгновенно испарилось.

Едва заметная улыбка исчезла с уголков губ, словно ее никогда и не было.

Гу Лэ подошел к подоконнику. Отсюда открывался вид на залитый цветами внутренний двор.

— Молодой господин, ее состояние, похоже, ухудшилось.

Раньше, услышав подобные новости, Гу Лэ почувствовал бы глухую боль в груди: всё, что он не мог отпустить, всё, что хранилось в воспоминаниях, принялось бы неистово рваться наружу, пытаясь сокрушить клетку и поглотить его целиком.

Но сейчас в его сердце царил лишь покой.

Спокойное принятие этой вести.

— Отправьте ее в больницу. И еще: оставьте денег и уходите, больше следить не нужно.

Повесив трубку, Гу Лэ молча смотрел в окно и долго не шевелился.

Тогда ему было всего пять лет.

Мать закатила страшный скандал.

Она обвиняла отца прямо перед ним, сыпала проклятиями, а в конце сорвалась и зарыдала.

Однако реакция отца на все эти обвинения сводилась к одному: полное игнорирование.

Возможно, именно холодность отца оборвала последнюю натянутую струну в душе матери.

Она развелась с ним и принялась демонстративно разгуливать перед бывшим мужем, хвастаясь чужим ребенком, которого родила на стороне.

Гу Лэ прятался тогда в уголке и видел, как мать нежно обнимала мальчика, ростом почти с него самого, и ласково гладила по щеке.

На ее лице играла... улыбка, какой Гу Лэ никогда не видел дома.

Он услышал слова матери: — Если ты не любишь меня, найдется кто-нибудь другой, кто полюбит. Гу Сяо, кем ты себя возомнил, редким сокровищем?

Услышав это, Гу Лэ лишь бросил взгляд на мальчишку — во взгляде читалось всё то же неизменное спокойствие и равнодушие.

— И ты, и этот тройной ублюдок вызываете у меня тошноту!

— Знала бы я, что он вырастет таким вылитым ты, удалила бы еще тогда, когда он был у меня в животе!

Этот твой сынок куда дешевле тебя, стоит мне прикрикнуть, как он тут же прибегает и зовет меня мамой, прямо как собачонка.

Пятилетний Гу Лэ тогда уже многое понимал.

Слезы застилали глаза, размывая всё вокруг.

Отец наконец перестал молчать.

Он услышал полное ярости отцовское: — Проваливай.

Это был первый раз, когда Гу Лэ видел отца разгневанным.

Очень страшным.

Гу Сяо знал, что перед этой женщиной он виноват, поэтому любые предательства их брака или упреки он готов был сносить.

Но вот чего ей точно не следовало делать — так это срывать злость на других.

Управляющий Лян заметил его присутствие и поднял на руки.

— Молодой господин, пойдёмте я угощу вас мороженым!

Управляющий Лян унес его прочь, и последнее, что успел увидеть Гу Лэ, — это силуэт его матери.

Спустя десять лет Гу Лэ вновь услышал о матери — на этот раз от частного детектива.

После ухода ей пришлось несладко.

Из-за скандала, который она учинила в доме Гу, родственники отrekliсь от нее.

Мать ушла с тем мужчиной, который якобы подарил ей настоящую любовь.

Взяв адрес у детектива, Гу Лэ отправился по указанному адресу.

Ветхие многоэтажки, покрытые плесенью стены, разбитые грунтовые дороги.

Это место было настолько грязным, что Гу Лэ не знал, куда ступить.

Ему даже не пришлось подходить близко к тому дому.

Издали до него донеслись звуки ссоры.

Мужские и женские голоса.

В конце концов Гу Лэ так и не подошел.

Он просто стоял там и слушал очень-очень долго.

Позже Гу Лэ продолжал держать ее под наблюдением, и незадолго до этого выяснилось, что мать заболела, а на лечение в семье совсем не осталось денег.

Ей приходилось сидеть взаперти и глушить болезнь таблетками.

А тот мужчина давным-давно бросил ее и сбежал.

Узнав об этом, Гу Лэ не оказал ей никакой помощи.

В конце концов, это она от него отказалась.

Это она бросила его.

Разве он не прав, что не захотел ей помочь?

...

Пробыв у Гу Чэня ночь, Цзян Нин с мужем вернулись домой.

Уезжая, они захватили с собой столько свежих фруктов и овощей из сада Гу Чэня, что багажник забился до отказа.

Позже Цзян Нин отвезла Гу Сяо навестить бабушку.

Бабушка поначалу относилась к Гу Сяо с некоторой прохладцей, всё ей казалось, что внучка замужем за ним несчастлива.

Но видя, как сильно Цзян Нин любит мужа, старушка в конце концов смирилась.

Раз уж со старшими с обеих сторон они познакомились, брак можно было считать окончательно заключенным.

Цзян Нин переехала в особняк.

Сидеть без дела она не умела, к счастью, недавнее собеседование увенчалось успехом.

Днями Цзян Нин ходила на работу, так что жизнь текла вполне размеренно.

Единственное, что ее омрачало — это занятость Гу Сяо.

Не прошло и недели после получения свидетельства о браке, как он сорвался в зарубежную командировку.

Впрочем, как бы ни был занят Гу Сяо, он не забывал о Цзян Нин.

Стоило ему выдаться свободной минуте, как он звонил жене или подробно докладывал о своих планах на день.

Дни текли чередой.

Цзян Нин постепенно привыкла к роли замужней женщины.

Казалось, всё неуклонно менялось к лучшему. Благодаря случайным подсказкам Цзян Нин, Гу Сяо время от времени тоже стал проявлять интерес к жизни Гу Лэ.

Отношения между отцом и сыном, казалось, значительно потеплели, и иногда Цзян Нин даже видела, как они сидят вместе и что-то обсуждают.

Правда, Цзян Нин признавалась, что из всего обсуждения не понимает ни единого слова.

Сама же Цзян Нин вовсе не боялась, что Гу Лэ будут обижать в школе.

Она не забывала, что Гу Лэ был человеком с черствой душой.

Из тех, кто принесет лишь одни неприятности любому, кто осмелится к нему пристать.

Цзян Нин все ждала, когда же Гу Лэ встретит свою истинную любовь, и они закрутят роман, в котором кислинка перемежается со сладостью, а сладость — с кислинкой.

И вот, дождавшись наконец, она дождалась.

Впервые отправляясь на регистрацию в университет Z, Гу Лэ не взял с собой много вещей, прихватив лишь один чемодан, внутри которого лежали его рисовальные принадлежности.

Хотя Гу Лэ и был наследником семьи и поступил на финансовый факультет, он не забросил свое увлечение.

Гу Сяо не одобрял подобные занятия, считая их пустой тратой времени, отвлекающей от серьезных дел.

Но поскольку Цзян Нин помогала ему скрывать это, Гу Сяо ничего не знал.

Внешность Гу Лэ особенно выделялась среди толпы новоиспеченных студентов.

Многие старшекурсницы и старшекурсники подходили к нему, желая помочь с багажом, но всем им он ответил отказом. Гу Лэ сам дошел до своего студенческого общежития.

Достав ключ, он отпер дверь, но войти не успел — в его объятия кто-то врезался.

Удар был слабым, а от человека исходил легкий, очень приятный аромат.

В просвете между воротником и шарфом мелькнула полоска белоснежной кожи.

— Да, хорошо, я запомнил, я вам захвачу...

Речь Вэнь Имо оборвалась из-за внезапного столкновения. Поскольку он оборачивался к своим соседям по комнате, то совершенно не заметил, что дверь общежития отворилась снаружи.

Сам же он все еще застыл в движении человека, тянущегося к ручке двери. Его рука внезапно рассекла воздух, равновесие оказалось потеряно, и он рухнул прямо в объятия стоявшего в дверях юноши.

Практически в тот же миг он отпрыгнул назад, словно ошпаренный.

— Простите, прости! — Вэнь Имо отступил на несколько шагов. Стоявший в дверях парень был выше его ростом, и Вэнь Имо неожиданно встретился взглядом с парой холодных черных глаз.

Юноша обладал высоким ростом, прямой переносицей и бледными губами. Его пристальный взгляд был устремлен прямо на перепуганного паренька.

Никак не отреагировав на извинения, он просто проигнорировал Вэнь Имо, взял чемодан и вошел в комнату. В голове внезапно всплыли слова, которые Цзян Нин сказала ему при выходе из дома.

Лэле, в новой школе обязательно заводи побольше друзей, будь вежливым, учись первым заводить разговор с однокурсниками...

Характер Гу Лэ оставался слишком холодным и отстраненным, и Цзян Нин, не имея другого выхода, могла лишь попытаться как следует наставить его перед уходом.

Цзян Нин боялась, что этот ребенок не сможет найти друзей даже в университете.

Из-за того, что Гу Лэ почти не приводил домой друзей поиграть, Цзян Нин и решила, что у него вообще нет друзей.

По правде говоря, Гу Лэ действительно ни с кем особо не сдружился.

При этой мысли Гу Лэ сделал шаг назад.

Парень был очень красив, с классическим лицом овальной формы, белой кожей и персиковыми глазами, которые при взгляде на любого казались полными нежности.

Гу Лэ слегка опешил.

Если бы не короткая стрижка перед ним, он бы наверняка подумал, что это девушка.

Ничего страшного.

Бросив эти три слова без единой интонации в голосе, Гу Лэ окончательно перестал обращать внимание на Вэнь Имо.

Вэнь Имо замер на секунду, подумав про себя, что с этим новым соседом по комнате, пожалуй, будет непросто сойтись...

С тех пор как Гу Лэ уехал в университет, Цзян Нин пребывала в некотором волнении.

Потому что она помнила: именно в университете Гу Лэ познакомился с Вэнь Имо.

К тому же они оказались соседями по комнате.

В отличие от неполной семьи Гу Лэ, родители Вэнь Имо безумно любили друг друга, а сам он был единственным ребенком в семье.

Вэнь Имо рос окруженный родительской заботой и баловством.

Поэтому и характер у него был жизнерадостный, открытый, к тому же он очень любил помогать людям.

Из-за своей смазливой внешности в детстве он нередко подвергался домогательствам.

Именно поэтому родители отдали его на секцию тхэквондо.

Когда однажды Вэнь Имо случайно увидел, как группа хулиганов зажала Гу Лэ в глухом переулке и измывается над ним, он бросился на помощь и спас его.

С того самого дня Вэнь Имо словно привязался к Гу Лэ.

А Гу Лэ, проявив изрядную долю хитрости, притворился перед Вэнь Имо жалким сиротинкой — исключительно ради того, чтобы вызвать у того жалость и заставить уделять себе побольше внимания.

Вэнь Имо и впрямь полностью купился на уловки Гу Лэ, искренне веря, что тот — несчастнейший из несчастных, равных которому просто нет на свете.

Он от всего сердца считал Гу Лэ своим лучшим братаном и потому всю о нем заботился: они были неотделимы друг от друга как на лекциях, так и на перерывах.

Вэнь Имо даже не подозревал, что сам он воспринимает Гу Лэ как брата, тогда как Гу Лэ метит ему в парни. Позже, после всевозможных уловок и уговоров со стороны Гу Лэ,

Вэнь Имо, поддавшись на его уловки, успешно согласился стать его женой.

Перед этим Гу Лэ первым делом признался Гу Сяо в том, что ему нравятся парни.

Из-за этого Гу Сяо решил, что в его воспитании где-то произошел сбой, и никак не мог взять в толк, почему Гу Лэ вдруг полюбил парня.

Он запер Гу Лэ дома, запретив ему видеться с Вэнь Имо.

В те дни Гу Лэ был без памяти влюблен в Вэнь Имо, и стоило им расстаться хотя бы на день,

как у него начинало зудеть сердце от тоски.

Тогда Гу Лэ дождался глубокой ночи, когда никто не обращал внимания, перелез через стену и отправился искать Вэнь Имо.

Он даже расплакался перед Вэнь Имо, приняв вид несчастной брошенной собачонки, отчего сердце Вэнь Имо сжалось от жалости.

Именно тогда Вэнь Имо осознал, что его чувства к Гу Лэ стали уже далеко не простыми.

Гу Лэ вернулся домой перед самым рассветом.

Однако о том, что он сбежал через забор, Гу Сяо все-таки узнал.

Гу Сяо велел надстроить забор.

Ограда высотой чуть больше двух метров вымахала до трех с лишним метров в высоту.

Он также нанял телохранителей сторожить у дверей Гу Лэ, охраняя его не хуже преступника, чтобы у того не осталось ни единой возможности сбежать.

Как бы Гу Лэ ни безумствовал и ни сопротивлялся, даже если он принимался причинять себе вред, Гу Сяо оставался непреклонен.

В конце концов управляющий Лян не вынес этого зрелища.

И тайком отпустил юношу.

Именно из-за этого поступка Гу Сяо уволил управляющего Ляна.

Гу Лэ и Вэнь Имо только-только определились со своими отношениями, пара еще даже не успела вкусить счастливой жизни,

как Гу Лэ был схвачен Гу Сяо.

На этот раз дело не ограничилось простым домашним арестом.

Гу Сяо лично увез его за границу.

Мало того, он отобрал у Гу Лэ все документы, удостоверяющие личность, так что у того не осталось ни малейшего способа вернуться на родину.

Поняв, что ему не одолеть Гу Сяо, Гу Лэ в конце концов сорвался и покончил с собой, бросившись в море.

Гу Сяо как раз просматривал документы, когда Цзян Нин вдруг ущипнула его за бок.

Она вложила в это силы, и получилось немного больно.

Впрочем, кожа у него была толстая, лишь бы сама Цзян Нин пальцы себе не покраснела.

Гу Сяо оторвал взгляд от бумаг и опустил голову на сидевшую у него на коленях и читавшую роман в телефоне Цзян Нин.

— Что такое? — он наклонился и поцерил ее в макушку. — Неужели наткнулась на сюжет,

который тебя разозлил?

За те годы, что Гу Сяо и Цзян Нин состояли в браке, они по-прежнему оставались неразлучны, как и прежде.

Когда у него оставалась недоделанная работа, которую приходилось брать с собой домой, он разрешал Цзян Нин сопровождать его в кабинете.

Пока он работал, Цзян Нин могла сидеть в телефоне или есть снеки.

Впрочем, внимание Цзян Нин вовсе не было приковано к роману — она просто думала о судьбе Гу Лэ.

Она бросила на мужчину полный обиды злобный взгляд и надула губы, молча отвернувшись.

Неужели Гу Сяо и впрямь окажется тем самым ненавистным злодеем, что безжалостно разлучает влюбленных?

Проведя с Гу Сяо так много времени, Цзян Нин уже давным-давно душой и сердцем срослась с ним.

Она просто не могла вообразить, что Гу Сяо способен на столь бессердечный поступок.

Гу Сяо не понимал, чем именно умудрился задеть Цзян Нин, но все равно обнял ее и начал мягко утешать:

— Сердишься, что из-за работы я уделяю тебе мало внимания? Давай больше не будем злиться, м? Я не буду больше читать, побуду с тобой.

Заполучив нежную и мягкую жену, Гу Сяо превратился в настоящего подкаблучника: во всем ставил Цзян Нин на первое место и неизменно носил ее на самом кончике своего сердца.

Если не считать дел, связанных с работой, в личных вопросах всецело и полностью распоряжалась Цзян Нин.

Вдобавок управляющий и слуги в доме все до единого души не чаяли в госпоже Цзян Нин.

Цзян Нин покачала головой и ничего не ответила.

Не могла же она признаться, что рассердилась, вспомнив о том, что Гу Сяо вытворял с Гу Лэ!

Но ведь этого еще не произошло, да и Цзян Нин не знала, пойдет ли Гу Сяо по проложенному судьбой пути.

Она и так изменила уже очень многое в течении событий.

Стоит ей изменить самую главную деталь, и она победит, верно?

Цзян Нин предавалась грезам о прекрасном будущем, и уголки ее губ сами собой изогнулись в улыбке.

Гу Сяо все это время следил за выражением лица Цзян Нин, замечая, как та то злится, то радуется.

А на прямой вопрос отвечать не желает — завела от него тайны.

От этого Гу Сяо мгновенно помрачнел.

Он обхватил ладонями лицо Цзян Нин и впился поцелуем в ее алые губы, кончиком языка разжал ее зубы, оплел ее язык и принялся жадно всасывать, вложив в поцелуй столько силы, что Цзян Нин даже стало больно.

Она заизвивалась, издавая мычание, и заупиралась руками в мужские плечи.

— Нин-бао нечестна, за это Нин-бао будет наказана.

Глухое, тяжелое дыхание переросло в страстный, торопливый поцелуй.

Цзян Нин подняли на руки и усадили на заваленный бумагами стол, а лежавшую на них ручку мужчина смахнул одним движением руки.

Перьевая ручка вместе с кипой документов со стуком рухнула на пол.

<http://bllate.org/book/22208/2315182>